

ЭПИТАФИЯ У. ШЕКСПИРА КАК ПРИМЕР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЖАНРОВ В ТЕКСТАХ ЭПИТАФИЙ

На примере текста эпитафии Уильяма Шекспира в статье рассматривается особая жанровая разновидность эпитафического текста, которую можно расценивать как нехарактерное и исключительное явление для христианского культурного контекста, заимствованного из античности. К возникновению текстов эпитафий, содержащих элемент проклятия (наговора) в античный период, располагала их генетическая близость к текстам наговоров. Однако в христианской культуре данная жанровая разновидность эпитафического текста была обречена либо на сильную трансформацию, либо на исчезновение. Наговоры постепенно трансформируются в заклинания или заговоры, следуя основным христианским принципам сопротивления темным силам, а не призывания их на помощь. В текстах эпитафий такая тенденция выражается в постепенном редуцировании элемента проклятия, за исключением эпохи Гуманизма, для которой была характерна строгая зависимость от античных канонов. Текст эпитафии Уильяма Шекспира остается уникальным примером синкретизма, когда античные законы текстопостроения эпитафического текста с элементом проклятия (наговора) сосуществуют с принципами христианской культуры.

Ключевые слова: эпитафии, содержащие проклятие; христианский контекст; возрождение античного текстопостроения; тексты наговоров; редуцированное проклятие.

E. Arutiunian

THE SUCCESSION OF GENRES IN THE TEXTS OF EPITAPHS

William Shakespeare's epitaph (containing a damnation) is tackled in the article as an example of a particular epitaph genre variety. Borrowed from antiquity, it can be regarded as an exceptional phenomenon in the Christian cultural context. Ancient epitaphs containing a damnation were genetically related to the texts of incantations. However, in the Christian culture, this epitaph genre variety was either vastly transformed or disappeared. An element of damnation in the epitaphs was gradually reduced, with the exception of the Humanist epoch, which was characterized by a strong influence of the ancient canons. William Shakespeare's epitaph is a unique example of syncretism, whereby the ancient rules of epitaphs containing a damnation co-exist with the principles of Christian culture.

Keywords: epitaph, damnation, Christian context, the revival of the antique canons of epitaphs, texts of incantations, reduced incantations.

Обращаясь в рамках настоящей статьи к эпитафии У. Шекспира, автор не пытается трактовать ее текст наравне с его завещанием и другими материалами, так мало напоминающими «о духовном кругозоре Владыки Языка», в пользу продолжения дискуссии о «шекспировском вопросе», а в первую очередь рассматривает данный эпитафический текст как пример особой жанровой разновидности английской эпитафии, которая может расцениваться как

нехарактерное и исключительное явление для христианского культурного контекста [1, с. 156].

Речь идет об эпитафии, свойственной именно античной языческой культуре — об эпитафии, содержащей проклятие, направленное тем, кто может потревожить прах умершего. Подобные тексты перекликаются в христианских эпитафических сборни-

ках с эпитафиями, содержащими угрозу (*denunciatory epitaphs*), или текстами, молящими об отвращении беды (*deprecatory epitaphs*), акцентирующими элемент мольбы, часто либо предшествующий угрозе в текстах, либо представляющий данную жанровую разновидность с редуцированным элементом угрозы / проклятия.

Напомним текст эпитафии У. Шекспира и попытаемся пролить свет на столь парадоксальное явление в жанровом многообразии эпитафических текстов:

Good Frend for Iesus sake fobeare
To digg the Dvst enclosed Heare:
Blest be ye Man yt spares thes stones
And cvrst be he yt moves my bones.

[«Добрый друг, во имя Иисуса воздержись выкапывать прах, заключенный здесь. Благословен будет тот, кто пощадит эти камни, и проклят будет тот, кто потревожит мои кости»].

Вышеприведенный текст, начертанный на каменной плите над прахом У. Шекспира, является лишь частью эпитафии великого драматурга. Немного в стороне от надгробного камня установлен настенный монумент, содержащий следующий двуязычный текст, более соответствующий величию шекспировского гения:

Iudicio Pylum, genio Socratem, arte Maronem
Terra tegit, populus maeret, Olympus habet.
Stay Passenger, why goest thou so fast,
Read if thou canst, whom envious death hath plast
Within this monument, Shakespeare with whome
Quick nature dide: whose name doth deck ye Tombe,
Far more than cost: sien all yt hath writt
Leaves living art but page to serve his witt.
Obiit and dio 1616.
Aetatis 53 die 23 Ap.

[«Умом был подобен пилосцу (Нестору), гением — Сократу, искусством — Марону (Вергилию); земля его покрывает, народ оплакивает, Олимп приемлет. // Стой, прохожий, что ты так торопишься? Прочти, если ты умеешь, кого завистливая смерть поместила внутрь этого надгробного памятника — Шекспира, кого достигла природа так поспешно, чье имя украша-

ет этот монумент значительно больше, чем его цена, ибо все им написанное превращает живущее искусство лишь в пажа, чтобы служить его уму. // Скончался в 1616 г. на 53 году жизни в день 23 апреля»].

Однако мы не будем далее останавливаться на приведенном выше тексте и вернемся к предмету нашего исследования, которым является эпитафический текст, начертанный на самой напольной надгробной плите.

Английская гуманистическая эпитафия, к которой по времени написания относится эпитафия Уильяма Шекспира, характеризуется «ученической, почти рабской» зависимостью от норм античной латинской традиции, что приводит к заимствованию основных принципов построения античного текста, тем, эмоций, символов и к водружению их в английском эпитафическом тексте в виде шаблонов и формул [3, с. 80]. Несмотря на вульгаризацию и «понижение» стиля эпитафии, авторство которой по преданию приписывается самому Великому Барду*, ее текст является яркой иллюстрацией заимствованных классических канонов построения эпитафических текстов.

Начнем с того, что эпитафия открывается обращением умершего к живым, которое реализуется посредством устойчивой формулы, пришедшей в английский эпитафический текст из античности. Из списка допустимых вариантов обращения погребенного к путнику, прохожему, читателю, как *passenger*, *stranger*, *passer-by*, *reader* по аналогии с латинскими *viator* / *viatores*; *praeteriens*; *tu, qui legis*; *lector*, выбирается наиболее позитивно окрашенное *friend*. Прилагательное *good* благодаря позитивной коннотации располагает читающего текст эпитафии в сторону умершего. И. Гиллилов полагает, что под *good friend*, скорее всего, подразумеваются церковные сторожа, имевшие «привычку освобождать места для новых погребений, вытаскивая кости из старых и складывая их в примыкавший к

храму общий склеп» [1, с. 156]. К ним обращается погребенный с просьбой «не тревожить» его прах, используя при этом столь позитивно окрашенную формулу обращения, максимально фиксирующего внимание читателя благодаря своему положению в начале текста.

Выбор слова *friend* как формы обращения к церковным служителям перекликается с одним из часто произносимых в здании церкви библейских текстов от Луки — молитвой «*просите, и дано будет вам*»⁵. В английской версии он звучит следующим образом:

⁵«Then he said to them, «Suppose one of you has a friend, and he goes to him at midnight and says, 'Friend, lend me three loaves of bread,

⁶because a friend of mine on a journey has come to me, and I have nothing to set before him. '

⁷«Then the one inside answers, 'Don't bother me. The door is already locked, and my children are with me in bed. I can't get up and give you anything. '

⁸I tell you, though he will not get up and give him the bread because he is his friend, yet because of the man's boldness he will get up and give him as much as he needs. ⁹»So I say to you: Ask and it will be given to you; seek and you will find; knock and the door will be opened to you.

¹⁰For everyone who asks receives; he who seeks finds; and to him who knocks, the door will be opened» [Luke, 11: 5–10].

Данный прецедентный текст имплицитно встраивается в структуру эпитафического текста, реализуя категорию интертекстуальности, при этом его смысловой акцент — *Ибо всякий просящий получает* — выступает дополнительной гарантией исполнения последней воли умершего.

Стихотворная форма, реализуемая в данном тексте простыми рифмами *aabb* — *forbeare / heare* (sic), *stones / bones*, также перекликается с классическими представлениями о ритмизированном сакральном тексте как более существенной гарантии магического содействия в том или ином ритуале, поэтому очень часто встречается в текстах эпитафий. Ритмизация текста происходит не только на звуковом уровне, но и

на грамматическом и семантическом посредством таких противопоставлений, «рифмующих» текст, как: морфологические — *thes stones / my bones*; синтаксические — *blest be ye man yt spares thes stones / and curst be he yt moves my bones*; смысловые — *to digg / enloased; blest / curst; spares / moves*.

Осмелимся предположить, что присутствие антитезы, противопоставляющей прах, Бога и живого человека (*dust / my bones — Jesus — good friend*), отражающей всех участников ситуации, сопряженной с погребением в христианской культуре, является отголоском сильно ассимилированного античного мотива, восходящего к Овидию. В античной версии поэт противопоставлял, «согласно концепции стоиков, прах, тень, маны и дух» [3, с. 77].

Языковое оформление просьбы в «неральной ситуации», когда погребенный обращается к живым уже после своей смерти, требует обязательного присутствия «гарантий» ее выполнения, в первую очередь, обусловленного невозможностью обратной связи. Просьба приобретает более императивный характер и возводится до степени последнего волеизъявления погребенного, реализуемого в тексте самыми разными языковыми средствами. В данном тексте такими «гарантиями» выполнения последней просьбы умершего являются: обращение к церковным сторожам как к «хорошим друзьям», то есть обращение, выполненное в максимально располагающем эмоциональном ключе; перекличка с одним из самых «популярных» библейских текстов в церковных стенах, гарантирующая исполнение просьбы; воззвание к имени Иисуса — абсолютной духовной доминанте христианского мира, с тем чтобы остановить этих «хороших друзей» от возможного посягательства на памятник или прах; пожелание счастья и всяческих благ тому, кто исполнит «последнюю волю»; и наконец, *проклятие*, направленное на тех, кто нарушит покой умершего.

Остановимся подробнее на элементе *проклятия*. В античном эпитафическом тексте элемент *проклятия* занимал центральную позицию в текстах данной жанровой разновидности и отличался «разнообразием» и детализацией возможных наказаний за нарушение праха умершего. Приведем лишь несколько примеров:

1) Dis Man(ibus). C (=Gaius) Tullius Hesper aram fecit sibi, ubi ossa sua coiciantur. *Qua(m) si quis violaverit aut inde exemerit, opto ei, ut cum dolore corporis longo tempore vivat et cum mortuus fuerit, inferi eum non recipiant.*

[«Богам Манам. Гай Туллий Геспер соорудил себе погребальный жертвенник, куда будет помещен его прах. Если кто-нибудь его повредит или извлечет оттуда (прах), я желаю ему, чтобы он, страдая телом, жил долго, а когда умрет, то пусть не примут его подземные боги»];

2) *Quisquis huic titulo (=titulo) manus intulerit, sale(m) et aqua(m) desideret.*

[«Всякий, кто наложит руку на этот памятник, пусть будет жаждать соли и воды (будет лишен соли и воды)»];

3) Graniaes Primigeniaes locus. *Qui hoc titulum sustulerit, habeat iratas umbras, qui hic positi sunt.*

[«Место Грани Примигении. Кто поднимет эту плиту с надписью, пусть на того разгневаются тени, которые здесь покоятся»];

4) Dis Manibus. M(arco) Popilio, M(arci) f(ilio), Zosimiano, filio piissimo; vix(it) ann(is) 10, mens(ibus) 2, dieb(us) 12, h(oris) 8. M(arcus) Popilius Euphemus et Popilia Moschis fecerunt et sibi et liberties libertabusq(ue) suis posterisq(ue) eorum. *Quisquis hoc monumentum violaverit aut titulum deasciaverit aliove quo nomine inscripserit, dabit in aerarium p(opuli) R(omani) HS (=sestertios) 20 m(ilia) n (umtum).*

[«Богам Манам. Дражайшему сыну Марку Попилию Зосимиану, сыну Марка; прожил 10 лет, 2 месяца, 12 дней и 8 часов. Марк Попилий Эвфем и Попилия Мосхида соорудили (гробницу) себе, своим вольноотпущенникам и вольноотпущенницам и их потомкам. Всякий, кто повредит этот памятник, соскоблит надпись или напишет какое-либо другое имя, внесет в казну римского народа 20 тысяч сестерциев»];

5) L(ucius) Caecilius, L(ucii) et (=feminae) 1 (=ibertus), Florus vixit annos 16 et mesibus (=mensibus) 7. *Qui hic mixerit (= minxerit) aut cacarit (=cacaverit), habeat deos superos et inferos iratos.*

[«Луций Цецилий Флор, вольноотпущенник Луция и женщины, прожил 16 лет и 7 месяцев. Кто здесь справит малую или большую нужду, пусть на того разгневаются боги всевышние и подземные»].

Среди античных примеров можно встретить почти дословный структурный прообраз эпитафии У. Шекспира:

6) ...Hospes, ita post obitum sit tibe terra levis, ut tu hic nihil laeseris, aut si quis laeserit, nec (a) superis comprobetur, nec inferi recipient, et sit ei terra gravis.

[«...Странник, да будет тебе после смерти земля легка, если ты здесь ничего не повредишь, а если кто причинит вред (этому надгробию), то пусть не похвалят его всевышние боги, и пусть не примут его подземные боги, и да будет ему земля тяжела***»].

В вышеприведенном тексте, так же как и в тексте эпитафии У. Шекспира, содержится обращение к проходящим мимо надгробного памятника («*странник*»), пожелание «легкой земли» тем, кто исполнит последнюю волю умершего и *проклятие* тем, кто потревожит его прах.

Обращение к проклятию в античных эпитафических текстах как к наиболее действенной «гарантии» выполнения просьбы умершего неслучайно. Еще с древнейших времен люди верили, что надгробные надписи, содержащие в себе угрозу или проклятие, придавали результативность этому проклятию на все время существования данного надгробного камня.

К возникновению данной жанровой разновидности в текстах античных эпитафий располагала и их генетическая близость к текстам наговоров, которые в виде свинцовых табличек, содержащих обращение к подземным богам и проклятия, направленные на конкретных людей, обычно зары-

вались в могилы или сохранялись в гробницах. Примером такого рода текстов может служить табличка, найденная в Риме: «Подобно тому, как мертвец, здесь похороненный, не может ни говорить, ни разговаривать, так пусть и Родина у Марка Лициния Фауста будет мертва и пусть не сможет ни говорить, ни разговаривать. Подобно тому, как мертвец не принимается ни богами, ни людьми, так пусть и Родина будет принята у Марка Лициния (Фауста) и пусть имеет такую же силу, как мертвец, здесь похороненный. Отец Дит, я поручаю тебе Родину для того, чтобы она всегда служила предметом ненависти для Марка Лициния Фауста. Также Марка Гедия Амфиона, также Гая Попиллия Аполлония, также — Веннонию Гермину, также — Сергию Глицинну» [2, с. 3]. Текст проклятия в наговорах является жестко адресатным текстом, в котором адресат всегда персонифицирован, как и в вышеприведенном примере — проклятие направлено на Родину у Марка Лициния Фауста.

Ключевая роль адресата в проклятии также сохраняется и в эпитафических текстах. Так, в приведенных выше эпитафических текстах проклятие направлено на тех, кто «повредит (погребальный жертвенник) или извлечет оттуда прах», на всякого, «кто наложит руку на этот памятник», на всех, «кто поднимет эту плиту с надписью», на всякого, «кто повредит этот памятник, соскоблит надпись или напишет какое-либо другое имя», а в тексте эпитафии У. Шекспира: на того, «кто потревожит мои кости».

В северогерманской языческой культуре эпитафические тексты, содержащие элемент проклятия, были также генетически связаны с одним из жанров скальдической поэзии — ни́дом или хулительными стихами (своего рода, устной разновидностью наговора). Способность ни́да оказывать магическое действие в виде проклятия на того, на кого он был направлен, в то время не вызвала ни малейшего сомнения. Об этом свидетельствуют многочисленные саги.

В христианской культуре данная жанровая разновидность эпитафического текста была обречена либо на сильную смысловую трансформацию, либо на исчезновение — к заклинаниям обращались «единственно с целью остановить влияние злого духа», никоим образом не имея целью возбудить злого духа и направить его на то или иное лицо [2, с. 56]. И. В. Помяловский отмечал, что, «войдя в компромисс с языческими магами относительно употребления формул воззваний, христиане не могли, оставаясь христианами, употреблять наговоры, в которых самое существенное составляют воззвания к богам преисподней, или, по понятиям первенствующей церкви, к дьяволу» [2, с. 67]. Наговоры постепенно трансформируются в заклинания/заговоры, следуя основным христианским принципам сопротивления темным силам, а не призвания их на помощь, а в текстах эпитафий данная тенденция выражается в постепенном редуцировании элемента *проклятия* в более поздних текстах.

Так, например, в эпитафии Джорджа Уорингтона, относящейся к 1727 г., сохраняется только просьба не тревожить прах с уже редуцированным элементом *проклятия* (St Stephen, Dunheved, Cornwall):

Tis my request
My bones may rest
Within this chest
Without molest.

[«Вот моя просьба / мои кости должны оставаться / в этом гробу / без надоеданий»].

До нас дошли тексты, в которых период «исполнения» просьбы специально ограничивался, например, сроком существования надгробного камня. При этом наказание за ее неисполнение уже не упоминалось (St. Peter's, Canterbury):

Touch not my grave, my bones, nor yet my dust,
But let this stone, which stands, be rotten first.

[«Не тронь мою могилу, мои кости, мой прах, / Позволь сначала камню, что стоит здесь, сгнить»].

Присутствие же *проклятия* в эпитафии У. Шекспира объясняется периодом его создания, а именно эпохой Гуманизма, для которой, как отмечалось выше, была характерна строгая зависимость от античных канонов, что еще раз подчеркивает заимствованный характер данной жанровой разновидности в христианском культурном контексте. Другими словами, элемент *проклятия* в христианском эпитафическом тексте

необходимо воспринимать как «историзм» или как результат «жесткого» переноса античных принципов текстопостроения.

В свете всего вышесказанного текст эпитафии У. Шекспира остается интересным примером синкретизма, в котором античные языческие каноны текстопостроения эпитафий, содержащих элемент *проклятия*, продолжают существовать в условиях христианского культурного контекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

* У. Холл объяснял это следующим образом: «Поэт, желавший, чтобы его кости остались нетронутыми, призвал проклятие на голову того, кто тронет их; и поскольку он обращался к причетникам и церковным сторожам, по большей части невежественным людям, создавая надпись, он опустился до их низкого умственного уровня, сбросив с себя одеяние того искусства, которое никто из его современников не носил более безупречно» (по [1, с. 156]).

** Русско-язычный вариант данной молитвы звучит следующим образом:

«И сказал им: положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: *«друг! дай мне займы три хлеба,*

⁶ Ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему»;

⁷ А тот изнутри скажет ему в ответ: «не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе».

⁸ Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит.

⁹ И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

¹⁰ Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» [от Луки, 11: 5–10].

*** Текст вышеприведенной эпитафии дается здесь не полностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гилилов И. М.* Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997.
2. *Помяловский И. В.* Эпиграфические этюды. СПб., 1873.
3. *Хоментовская А. И.* Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

4. *Федорова Е. В.* Латинские надписи. М., 1976.
5. *Epitaphia: being a collection of 1300 British epitaphs grave and gay, historical and curious, annotated with biographical notes, anecdotes, etc.* By Ernest R. Suffling. London, 1909.
6. <http://www.biblegateway.com/passage/?search=Luke%2011;&version=31>;

REFERENCES

1. *Gililov I. M.* Igra ob Uil'jame Shekspire, ili Tajna Velikogo Feniksa. M.: Artist. Rezhisser. Teatr, 1997.
2. *Pomjalovskij I. V.* Epigraficheskie etjudy. SPb., 1873.
3. *Homentovskaja A. I.* Ital'janskaja gumanisticheskaja epitafija: eje sud'ba i problematika. SPb., 1995.

SLOVARI I ISTOCHNIKI

4. Fedorova E. V. Latinskie nadpisi. M., 1976.
5. Epitaphia: being a collection of 1300 British epitaphs grave and gay, historical and curious, annotated with biographical notes, anecdotes, etc. By Ernest R. Suffling. London, 1909.
6. <http://www.biblegateway.com/passage/?search=Luke%2011;&version=31>;